

особенностях ширазской школы миниатюристики XV в.

Б.В. Норик

Japan and Russia: Three Centuries of Mutual Images / Ed. by Yu. Mikhailova and M.W. Steele. — Folkestone, UK. 2008.

В настоящее время все большее число исследователей приходит к выводу о том, что при комплексном изучении взаимоотношений между государствами и народами, помимо факторов дипломатического, экономического, политического и культурного характера, следует постоянно принимать в расчет присутствие в общественной мысли и общественном сознании людей устойчивых образов и стереотипов, влияющих на восприятие одним народом (или его отдельными представителями) других стран и народов. Эти образы и стереотипы, которые формировались, развивались и видоизменялись на протяжении длительного времени, являются неотъемлемой составляющей частью процесса социокультурного взаимодействия между странами и народами.

Данный фактор все больше учитывается в современной политике многих государств, их внешнеполитической деятельности и пропаганде. Неоднократно отмечалось, что одним из существеннейших моментов международных отношений оказывается вопрос о том, какое впечатление производит государство на международной арене и как его представители воспринимаются в других странах.

Поэтому в современных условиях чрезвычайно важным представляется стремление исследователей досконально изучить и проследить историческую эволюцию представлений о различных народах, выявить динамику их развития и механизм формирования, а также причины их возникновения и устойчивости в рамках национальной духовной традиции. В подобном контексте весьма актуальными оказываются конкретные исторические исследования, привлекающие данные, полученные другими науками, например этнографией, социальной психологией, литературоведением.

При комплексном подходе к изучаемой теме, те данные, которые накапливаются в

ходе исследований исторической и востоковедной наук, должны быть дополнены результатами, полученными на основании применения методологии тех научных дисциплин, которые также занимаются изучением «образов» и «стереотипов» в русле принятых ими парадигм. На стыке различных гуманитарных наук во второй половине XX в. возникло и успешно развивается междисциплинарное направление, именуемое имагологией.

Коллективная монография «Япония и Россия: три века взаимных образов», на наш взгляд, вносит значительный вклад в изучение формирования взаимных образов народов России и Японии на различных этапах их социокультурного взаимодействия и отвечает насущным потребностям сегодняшнего дня, когда остро ощущается необходимость поисков путей сближения между двумя странами. Данную книгу в полной мере можно отнести к исследованиям имагологического характера, основанным на конкретном фактическом материале.

Первая глава книги, написанная проф. русской истории Осакаского ун-та Икута Митико, посвящена развитию взаимных представлений в России и Японии в период Эдо (1603–1867). Автор скрупулезно отобрал и систематизировал имеющиеся по этой теме исторические данные, вполне логично и закономерно сделав акцент на изучении места и роли Дайкокуя Кодая — человека, находившегося в Российской империи в 1783–1792 гг. и сыгравшего поистине историческую роль в процессе становления основ социокультурного взаимодействия России и Японии на этапе их взаимного узнавания. Первое упоминание о России (или, точнее, Московии), появившееся в Японии, Икута Митико, ссылаясь на Кондо Юдзо, относит к 1623 г., когда появился труд итальянского миссионера в Китае конца периода Мин Джулио Аллени. Таким образом, первые известия о России попали в Японию через Китай из сочинения западноевропейского миссионера. В России первые упоминания о Японии также были заимствованы из западноевропейских и китайских источников. И только когда мореплаватель Дэмбэй по воле случая оказался в России и был принят самим Петром Великим, в России началось формирование реального образа Японии и японцев.

Слово *мосукобия* (Московия) в XVII в. использовалось в Японии не только как название нашей страны, но и для обозначения кож и кожаных изделий. Автор полагает, что кожаные изделия из России могли попасть в Японию в результате торговли с айну. В тот период японское название России и название кожаных изделий совпадало. Аналогичные ситуации часто возникают в период первых контактов между отдельными народами. Можно напомнить, что в Римской империи и других государствах, возникших на обломках этой державы, за китайцами закрепилось наименование серы, что, по сути, отождествляло их с производившимся в их стране шелком. А в английском языке слово «China» и по сей день означает не только Китай, но и то, с чем европейцы отождествляли эту страну, — фарфор. Можно неоднократно приводить и другие подобные примеры.

К сожалению, Икута Митико лишь вскользь упоминает о роли капитана Головнина в деле формирования взаимного образа России и Японии. В действительности же, его пребывание в Японии, общение с японцами, сделанные им записи и последующие публикации следует признать началом нового этапа в процессе формирования взаимных образов двух стран.

Следующая глава, написанная Е. Дьяконовой (РГГУ, Россия), посвящена чрезвычайно любопытному явлению в культурной жизни России — «японизму» конца XIX — начала XX в. Увлечение Японией некоторых российских литераторов, художников и театральных деятелей сыграло важную роль в наполнении русского искусства японскими мотивами, появление которых было связано с духовными исканиями русской интеллигенции в то время и способствовало возникновению в русском искусстве романтического направления нового типа. Это кратковременное явление затронуло лишь немногих деятелей искусства, но, как совершенно справедливо отмечает автор, для Андрея Белого, Мстислава Добужинского, Анны Остроумовой-Лебедевой, Павла Кузнецова, Ивана Билибина и других русских Япония стала своеобразной сказкой, страной мечты или даже утопией.

Тема влияния на процесс формирования взаимных образов России и Японии войн и вооруженных конфликтов рассмотрена в гла-

вах «15 минут славы Японии: манипулирование мировым общественным мнением во время войны с Россией 1904–1905 гг.» проф. японской истории и культуры Р. Ковнера (ун-т Хайфы) и «Место Японии в российской и советской национальной идентичности: от Порт-Артура до Халхин-гола» профессора Ю. Михайловой (ун-т Хиросимы). Р. Ковнер убедительно показывает, как в течение русско-японской войны японское руководство смогло весьма эффективно сформировать в глазах великих держав, своих соседей и среди собственного населения образ современного сильного государства, который заменил представление о Японии как о периферийной экзотической стране.

В России обида за поражение в русско-японской войне сохранялась и после 1917 г. Ю. Михайлова на основе большого количества источников показывает процесс формирования в царской России и СССР образа Японии как врага России. Географические названия Порт-Артур, Цусима, Хасан и Халхин-гол превратились в нашей стране в слова-символы. Первые два ассоциировались с национальным позором и унижением, а два последних стали символами справедливого реванша и наказания агрессора. Ю. Михайлова наглядно подкрепляет свое исследование примерами из художественной литературы, кинематографа и наглядной агитации того времени.

В послевоенный период наметились прямо противоположные тенденции. Этот этап очень удачно продемонстрирован в главе «Создание экранного образа идеального партнера» проф. И. Мельниковой (ун-т Досиса, Япония). Анализируя выход на экраны фильмов совместного производства СССР и Японии в 1960–1970-х годах, автор приходит к выводу о том, что хотя в каждый конкретный момент они были призваны выполнять определенные конъюнктурные задачи, отвечавшие целям определенного этапа нормализации двухсторонних отношений, эти художественные фильмы смогли сыграть огромную роль в складывании позитивного образа простых людей — представителей соседней страны. «Десять тысяч мальчиков», «Москва, любовь моя», «Дерсу Узала», «Мелодия белых ночей» и очаровательный «Маленький беглец» надолго запомнились и полюбили зрители и наряду с телевизионными передачами тех

лет создавали у советского человека весьма позитивный образ Страны восходящего солнца.

Специальные главы коллективной монографии посвящены таким любопытным и ранее не исследовавшимся аспектам формирования взаимных образов, как японская карикатура периода распада СССР, представления о России в провинциальной Японии и восприятие анимэ и манга в современной России. Соавтором Ю. Михайловой в последнем разделе был безвременно ушедший из жизни, замечательный российский востоковед — проф. СПбГУ Е.А. Торчинов.

Широчайший спектр проблем формирования взаимных образов Японии и России, рассмотренный поистине интернациональным коллективом авторов данной монографии, позволяет говорить о масштабности этого коллективного исследования. Тщательный подбор материалов и их скрупулезный анализ, новые повороты темы и привлечение неожиданных источников (плакаты, карикатуры, анимэ, манга) позволяет говорить о новаторстве при рассмотрении уже достаточно популярной темы.

Некоторое сожаление вызывает лишь то обстоятельство, что данной коллективной монографии не предпослана глава теоретического характера, которая позволила бы вписать данное исследование в контекст фундаментальных имагологических работ. К сожалению, на сегодняшний день мы имеем большое количество теоретических работ на тему образов и стереотипов, написанных философами, антропологами, этнологами, культурологами и даже психологами, которые порой слабо ориентируются в конкретном фактическом материале. В то же время специалисты по отдельным странам и культурам (в том числе востоковеды), обладая огромным фактическим материалом, не торопятся с их теоретическим осмыслением. На наш взгляд, наступает время, когда востоковеды не только активно включатся в разработку проблематики имагологического характера, но и внесут свой вклад в формирование теоретических основ имагологии как научного направления.

В заключение хочется отметить, что данная книга не только отличается глубиной поставленных проблем и новизной материала, но и написана в увлекательной манере и

легко читается, что позволяет рекомендовать ее студентам, специализирующимся в области изучения истории и современного состояния отношений России со странами Востока. Книга снабжена большим количеством интересных иллюстраций, что дополняет изложенный материал и помогает его восприятию.

Н.А. Самойлов

Чунакова О.М. Хрестоматия по авестийскому языку. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 176 с.

Чунакова О.М. Хрестоматия по древнеперсидскому языку. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 72 с.

История развития иранских языков условно делится на три периода: древний (до IV в. до н.э.), средний (до VIII в.) и новый (до настоящего времени). К древнеиранским языкам, дошедшим до нас в письменных памятниках, относятся древнеперсидский и авестийский, к среднеиранским — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, хотаносакский и бактрийский. К новоиранским относятся все современные иранские языки. В процессе исторического развития иранские языки претерпели значительные изменения, пройдя путь от языков с выраженным синтетическим строем, с развитой системой флективных форм до языков аналитического строя.

Изучение иранских языков в Европе и России началось с практическими целями в XVI в. С XVII в., после открытия и дешифровки клинописных древнеперсидских надписей, сасанидских надписей, а также рукописей Авесты, началось научное изучение иранских языков. На рубеже XIX–XX вв. был опубликован фундаментальный труд по иранистике «Grundriss der iranischen Philologie» (Bd. I–II. Strassburg, 1895–1904), в котором содержатся, в частности, работы Х. Бартоломе по авестийскому и древнеперсидскому языкам и К.Г. Залемана по среднеперсидскому языку. В 1904 г. в Страсбурге был опубликован словарь древнеиранских языков Х. Бартоломе «Altiranisches Wörterbuch». В дальнейшем изучением древнеиранских языков за